

ОПУБЛИКОВАНО: Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры:

V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века»

(Москва, 29-31 марта 2013 г.): Сб. докл. / Сост. И.Ю. Белякова. –

М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 229-242

Метрополия и диаспора

в жизни психолога Елены Антиповой (1892-1974):

русские корни бразильской судьбы

Н.Ю. Масоликова

За последние 20 лет в России создан значительный корпус исследований самых разных сторон истории российской эмиграции в XX веке. Однако образ российского научного зарубежья как малочисленной элитарной корпорации русскоязычных ученых, преимущественно мужского пола, замкнутых в своей среде в ожидании возвращения на родину, сформированный самими представителями научного сообщества «белой эмиграции» более 70 лет тому, по-прежнему доминирует в отечественной литературе. История научной диаспоры рассматривается в ней преимущественно как проблема «потерь» и «страданий», в то время как зарубежные ученые в рамках своих национальных дискурсов больше акцентируют проблемы «помощи» и «вклада». Между тем оба эти подхода менее всего ориентируют исследователей на поиск исторических точек пересечения представителей диаспоры и метрополии, диаспоры и нового окружения. Судьба одной из ярких фигур российского психологического сообщества поколения «серебряного века», психолога, организатора науки и образования в Бразилии Елены Владимировны Антиповой (1892—1974) удивительна своей неординарностью даже по российским меркам и дает интересный материал для понимания сложных и амбивалентных взаимоотношений метрополии и диаспоры в контексте индивидуальной профессиональной карьеры ученого¹.

С биографией Е.В. Антиповой мы уже знакомили аудиторию III Культурологических чтений «Русская эмиграция XX века» в 2009 году². В июне 2012 г.

нам удалось провести в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва) международный научный colloquium «Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892—1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России»³, собравший историков науки из России, Бразилии, Латвии, Франции и Швейцарии и впервые широко рассказавший российским соотечественникам о незаурядной личности и огромном вкладе Е.В. Антиповой в развитие глобального психолого-педагогического и образовательного пространств. Тем самым Colloquium способствовал возвращению имени выдающегося ученого и общественной деятельницы в Россию. Через два месяца, в августе 2012 г., в г. Белу-Оризонти (Бразилия) состоялась юбилейная XXX ежегодная международная научная конференция, посвященная научному и гуманитарному наследию Е.В. Антиповой (Annual Antipoff Conference). Здесь, в Федеральном университете штата Минас-Жерайс, активно работает Центр психологических исследований и документации имени Е.В. Антиповой, а в г. Ибирите находится штаб-квартира Фонда ее имени.

По объективным причинам, прежде всего языковым, русские годы и связи Е.В. Антиповой пока минимально представлены в бразильской и западной историографии, где она именуется преимущественно «бразильским ученым русского происхождения»⁴. Еще недавно это определение казалось совершенно справедливым. В самом деле, пятьдесят лет интенсивной научной и педагогической деятельности, проведенной в Швейцарии и Бразилии, где было издано абсолютное большинство научных работ Е.В. Антиповой на французском и португальском языках, созданы научные и образовательные институции, научная школа бразильских психологов и педагогов, давали полное основание считать ее именно бразильским ученым. Между тем, даже первое знакомство с бережно хранящимися в Бразилии личным архивом и библиотекой Е.В. Антиповой и особенно их русскоязычным комплексом, никогда не изучавшимся из-за языкового барьера, показало, что генезис многих научных идей и общественных взглядов Е.В. Антиповой, безусловно, находится в пространстве российской интеллектуальной и духовной жизни первой четверти XX века. Настоящая статья и посвящена документированным открытиям некоторых «русских» страниц жизни и научной карьеры нашей героини⁵, позволяющим существенно расширить фактическую наполненность личной и профессиональной биографий Е.В. Антиповой.

Бразильский архив Е.В. Антиповой располагается в двух хранилищах – в Центральной библиотеке Федерального университета штата Минас-Жерайс и в Мемориальном музее-квартире ученого в г. Ибирите. Личные документы Е.В. Антиповой российского периода преимущественно сосредоточены **в университете**. Так, здесь сохранилось свидетельство об окончании ею частной женской гимназии в Петербурге в 1909 г. Оказалось, что это была гимназия Любови Степановны Таганцевой, пользовавшаяся репутацией лучшей и самой дорогой женской гимназии Петербурга начала XX в. В гимназии царила атмосфера серьезности и значительности, в старших классах университетскими преподавателями и профессорами читались лекции, а не уроки, учителя здоровались с ученицами за руку. «Мы чувствовали себя слушательницами высших курсов, — вспоминала И.Э. Еленевская. — Этому способствовало и то, что появились новые предметы, как психология, начало юридических наук, латынь и высшая математика»⁶. Кроме того, гимназистки были в курсе всех литературных, театральных, выставочных и музыкальных событий столицы. Неслучайно, многие из них нашли себя в искусстве и науке, а героиня эпопеи Александра Солженицына «Красное колесо» Наташа Аничкова училась именно у Л.С. Таганцевой.

Но даже в элитной Таганцевской гимназии класс Нелли Антиповой (домашнее имя Е.В. Антиповой) выделялся своим интеллектуальным уровнем. Внутри него еще более заметной была небольшая компания подруг, «самый блеск», с которыми «гимназия носилась..., как курица с высиженным ею утенком»⁷ — Лиза Таль, Наташа Михневич, Лиза Пиленко, Нина Воленс, Юлия Эйгер, Нелли Антипова. Дочери генералов, адвокатов и других весьма состоятельных родителей, выросшие в атмосфере благополучия и достатка, осенью 1908 г. они организовали кружок по изучению марксизма и, не довольствуясь теорией, «пошли в народ» — проводить уроки для рабочих Путиловского и Франко-русского заводов по арифметике, географии, русскому и немецкому языкам. Хотя в дальнейшем судьбы подруг сложились по-разному, юношеские идеалы общественного служения сохранились у каждой из них, получив свое индивидуальное преломление⁸. Юлия Эйгер (в зам. Юлия Яковлевна Мошковская; 1892—1969) стала историком, служила в Институте истории АН СССР. Лиза Таль (Елизавета Львовна Таль-Тархова, 1893—1987) своей профессиональной стезей избрала хирургию и оперировала в Боткинской больнице в Москве. Экономист, сотрудник АН

СССР Нина Воленс (1893—1937) стала членом антибольшевистской организации «Крестьянская Россия»; в 1928 г. она была арестована в Ленинграде, приговорена к 10 годам заключения (отбывала в Ярославской тюрьме), а 4 сентября 1937 г. расстреляна как контрреволюционерка. Самая известная из подруг — Лиза Пиленко (1891—1945) — поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева — Елизавета Скобцова, после принятия в эмиграции во Франции монашеского пострига — мать Мария, монахиня в миру и хозяйка приюта для обездоленных, в годы Второй мировой войны была арестована как участница французского Сопротивления и погибла в концлагере Равенсбрюк⁹.

Семейная переписка Антиповых-Ирецких показывает, что гимназические подруги сохраняли общение по крайней мере до середины 30-х годов. А в библиотеке Е.В. Антиповой в Ибирите, среди ее очень немногочисленной русской части, перебравшейся с хозяйкой за океан, есть и первый выпуск книги Е. Скобцовой «Жатва духа» в издании парижской «ИМКА-Пресс» (1927). Собственно, наличие этого «неслучайного» издания и инициировала наш поиск гимназических связей Елены Антиповой¹⁰.

Другой важный эпизод научной биографии Е.В. Антиповой, получивший новое освещение в связи с бразильскими материалами, также связан с книгой, точнее, с оттиском из библиотеки Е.В. Антиповой. По воспоминаниям ее сына, спасаясь от красного террора и голода в северной столице, они с матерью в 1919 г. переехали из Петрограда в Вятку (ныне Киров), где провели примерно два года¹¹. До сих пор никто из биографов Антиповой не мог ничего сказать об этом коротком периоде ее жизни. Молчаливо считалось, что он был наполнен борьбой за существование в условиях гражданской войны и смены политических режимов. Каково же было наше удивление, когда среди сохранившихся в библиотеке Антиповой после трансатлантических перемещений работ мы обнаружили оттиск статьи вятского врача, педолога и общественного деятеля Василия Алексеевича Трейтера (1875—1929) «Опыт педологической работы» (Харьков, 1925). Находка этой, также явно неслучайно оказавшейся в Бразилии работы заставила по-новому взглянуть на «вятские годы» Елены Антиповой и их роль в становлении ее психолого-педагогических воззрений.

В.А. Трейтер, сын потомственного дворянина Московской губ., по семейной легенде правнук И.-В. Гёте (!)¹², выпускник медицинского факультета Московского университета (1900), где специализировался по психиатрии, после Февральской

революции 1917 г. был избран в состав Вятского губернского исполкома и даже назначен Вятским губернским комиссаром Временного правительства. Однако его политическая карьера при новой власти быстро завершилась после ареста по распоряжению Вятского Совета рабочих и солдатских депутатов и с 1918 г. он занимался в основном педагогической деятельностью: в 1918–1922 гг. руководил педологическим кабинетом детского коллектора Вятского губоно, в 1922–1929 гг. являлся доцентом кафедры педологии Вятского пединститута.

Именно в Вятском детском коллекторе (своего рода преемнике-фильтре для детей, поступавших в детские дома, аналоге Петроградского карантинно-распределительного пункта) Е.В. Антипова работала совместно с В.А. Трейтером, занимаясь хорошо методически известным ей еще с парижских времен обследованием физического и интеллектуального развития детей в условиях гражданской войны. Это исследование было презентовано в другой статье вятского шефа Антиповой — «Результаты исследования некоторых групп вятских детей в 1919—1921 г.», опубликованном в 1924 г.¹³ В статье В.А. Трейтер высказал немало добрых слов в адрес коллег-педологов, принимавших участие в обследовании и, в частности, Е.В. Антиповой. Рискнем высказать предположение, что основательное методическое обеспечение этой работы выдает одним из его непосредственных авторов именно Елену Антипову, единственную среди коллег получившую фундаментальное образование в области психологического тестирования в Париже и Женеве. Во всяком случае впоследствии она сама неоднократно вспоминала В.А. Трейтера и свои вятские годы как период важной практической подготовки к будущей психологической деятельности за рубежом, а в ее бразильском архиве сохранилась переписка с вятскими коллегами, с которыми Антипова не теряла связь до 1935 г.

Если документы бразильского архива Е.В. Антиповой дают некоторые фактические ключи к дальнейшему изучению ее «русского периода», то комплекс писем мужу, В.Я. Ирецкому, хранящийся в РГАЛИ¹⁴, ярко рисует ее душевное состояние в начале 20-х годов — нарастающее понимание неизбежности расставания с родиной в условиях тяжелого быта Петрограда / Ленинграда, личного одиночества и материнских переживаний. Образ России в этих письмах Елены Антиповой — это скорее грубый мужской образ: образ тяжелого быта, тоски по отцу, потери мужа и разлуки малолетнего сына с отцом, болезней ребенка.

Вот несколько примеров. Недавно высланному в Германию мужу она пишет 7 января 1923 г. о реакции сына: «Вскоре после Вашего отъезда купила Доне славный парходик (деревянный, массивный, с большими трубами, высокими мачтами, флагами, каютами, палубами и т.д., словом, Preussen¹⁵ да и только, который Доня окрестил “компресс” (по созвучию). В нем он катает свою и Вашу карточку и развозит по разным станциям – Березайка, Попово, Петушки и т.д.»¹⁶. Тот же мотив незаживающей разлуки в письме от 20 ноября 1923 г.: «Доник очень сердится на дядечек, которые держат папу, и хочет с милиционером поехать за ним, дать папе денег (спросив их в нашей канцелярии) и привести папу»¹⁷. И наконец: «Вечер провела...в слезах. Страшно тоскливо показалось, до слез одиноко. Все близкие далеко! И разметала же нашу семью какая-то злая центробежная сила да по всему миру земли»¹⁸. К тоске по близким добавлялись тяжелый быт и беспросветная бедность, забиравшие, казалось, все силы: «С утра до вечера верчусь, как белка в колесе. Прибавились еще практические занятия по вечерам 3 раза, которые мне дали в апреле, увы, только 1,5 червонца лишних, но и они весьма необходимы, так как на прожитие, ух, как нужна лишняя копейка!»¹⁹.

На наш взгляд, именно чувство профессиональной не востребованности, ощущение бесперспективности дальнейших усилий, разлука семьи, и, конечно, ностальгические воспоминания о годах учебы в Женеве и надежда на поддержку своего женевского учителя профессора Эдуарда Клапареда, приводили Елену Антипову к мысли о необходимости отъезда. В отличие от России, образ эмиграции в ее письмах – женский, образ надежды, встречи, веры в будущее для себя и сына, воссоединения для всей семьи: «Мечтаю о восстановлении семьи, – писала она мужу в 1923 г. – Приедет папа, вернетесь Вы, соберемся вместе..., будем ставить большой медный фамильный самовар и под его уютную песню вспоминать пережитое»²⁰.

Осенью 1924 г. Е.В. Антипова сделала свой выбор и покинула СССР по советскому заграничному паспорту, отправившись с сыном Даниилом к мужу в Берлин. Однако совместной жизни не получилось, и уже через год они переехали в Швейцарию, где Елена сразу получила работу в возглавлявшемся Э. Клапаредом Институте Ж.-Ж. Руссо в Женеве²¹. По организации своей внутренней жизни этот институт значительно отличался от аналогичных институций его времени, продолжая традицию отношений семейного типа, «большой семьи». Помимо общей научной работы со всеми

присущими ей атрибутами – дискуссиями, конференциями, публикациями, проектами и т.п. – сотрудники Института постоянно общались на совместных вечерах и пикниках, во время прогулок, экскурсий и поездок. «Мы отправляемся <...> в лагерь на 6-7 дней на берег Невшательского озера, где в имени директора института Р. Bovet будем справлять 15-летие института, — описывала Антипова новую жизнь мужу. — Оттуда будем совершать <...> прогулки в горы, на родину Песталоцци — в излюбленное место прогулок Ж.-Ж. Руссо, а также на шоколадную фабрику Suchard, где, наверное, нас угостят и наделят вкусным шоколадом»²². Несомненно, такой «домашний режим» для эмигрантки Антиповой был своего рода психотерапией, реабилитационной процедурой, позволившей душевно и психологически обновиться.

Удачно и быстро интегрированная в научную и социальную жизнь Женевы и ее коренных обитателей, Елена Антипова, тем не менее, не теряла и связи с соотечественниками-эмигрантами. Но ее диаспоральные связи были весьма избирательны и, выражаясь современным языком, «точечно» направлены — на тех, кто, как и она, принадлежал интеллигентному сообществу. Так, в ноябре 1927 г. в Женеву из Праги приехал известный филолог, лингвист и педагог Сергей Иосифович Карцевский (1884—1955), соредатор широко известного в эмиграции журнала «Русская школа за рубежом». Антипова немедленно обратилась к нему с просьбой взять на себя преподавание русского языка, русской географической истории и литературы для немногочисленных женевских русских детей и их родителей. По-видимому, ведущим стимулом для организации такого маленького клуба было стремление сохранить русскую культурно-языковую идентичность в собственной семье: «В Доне сидит немалая доля патриотизма, — писала она мужу. — И он, вероятно, с удовлетворением будет заниматься русским языком, пока же, увы, с каждым днем забывает язык все более и более...»²³.

Одним из центров российского сообщества в Швейцарии еще с дореволюционных времен были дом и библиотека известного библиографа Николая Александровича Рубакина (1862—1946) в Лозанне. В начале 20-х годов Рубакин был увлечен созданием библиопсихологии и института под аналогичным названием, что предопределило его постоянные связи с женевскими психологами. Богатейший архив Н.А. Рубакина, хранящийся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, содержит и небольшую переписку с Е.В. Антиповой за 1928—1929 гг.

Интересно, что инициатива знакомства, по-видимому, принадлежала Рубакину, который в маленьком и довольно замкнутом мире интеллектуальной Швейцарии не мог не заметить появление новой русской сотрудницы Института Ж.-Ж. Руссо. В начале 1928 г. он отправил Антиповой свою книгу и одновременно просил содействия для специалиста по вопросам детского чтения С.И. Рагозиной, собиравшейся приехать из Москвы в Женеву. Антипова ответила Н.А. Рубакину благодарностью за издание, однако заметила, что прочтет его лишь на досуге: «К сожалению, сейчас очень занята и несколько в ином направлении»²⁴. Она также обещала передать письмо С.И. Рагозиной П. Бове, который мог бы помочь русской исследовательнице. После обмена письмами знакомство продолжилось, и Е.В. Антипова стала читательницей Рубакинской библиотеки, заказав несколько книг для себя и сына. Возвращая их в конце сентября 1928 г., она приложила к письму две свои статьи из «Archives de Psychologie»²⁵. Рубакин быстро откликнулся: «Нашел в них много такого, что пригодится, и даже очень, и в наших библиопсихологических работах»²⁶ и предложил Антиповой опробовать его «двойной библиопсихологический тест» в Институте Ж.-Ж. Руссо, на что она согласилась. В дальнейшем Н.А. Рубакин и Е.В. Антипова несколько раз встречались, обмениваясь новыми публикациями и обсуждая проблемы книгообмена с СССР: «С искренним удовольствием, — писал библиограф, — вспоминаем всегда Ваши, к сожалению, такие кратковременные визиты в нашу книжную берлогу»²⁷.

Однако жизнь в благоустроенной Женеве была также далека от идиллической. Письма Антиповой тех лет полны горьких признаний: «Пишу Вам на открытке, потому что не письмо не хватило денег <...>, устаю от работы страшно <...>, похудела и постарела на несколько лет...»²⁸. Особенно неожиданными и тяжелыми оказались проблемы визового режима. Как жена высланного из России, Антипова приехала в Женеву с паспортом, выданным в Германии на два года. Очень скоро женщина оказалась, по ее собственному выражению, «между небом и землей» — германские власти не хотели продлевать паспорт, т.к. его обладательница фактически жила в Швейцарии, а швейцарские — отказывали в выдаче международного паспорта беженца («нансеновского»), чтобы не получить лишнего эмигранта. Для спасения ученицы от принудительной высылки профессору Клапареду пришлось неоднократно ходатайствовать у немецкого консула и в правительственных кругах Берна, и никто не

мог поручиться, чем окончится эта история. Вероятно, неожиданно для самой Антиповой, эмиграция превращались в буквальное бегство и изгнание.

Именно поэтому, когда в 1928 г. в Женеву приехал доктор Альберто Алварес из Бразилии, подбиравший научный персонал для формирующейся национальной системы педагогической и психологической поддержки детства, Е.В. Антипова почти без раздумий и вопреки мнению родных согласилась на двухлетний рабочий контракт в далекой стране. Вряд ли она имела полное представление о предстоящих на новом континенте трудностях, однако новогоднее письмо Е.В. Антиповой мужу показывает, что она предельно ответственно анализировала ситуацию и вновь делала выбор, основанный на собственных приоритетах: «Приглашают меня по моей специальности: лекции по экспериментальной и детской психологии в учительский институт (женский); обследование детей начальной школы для распределения по различным классам (одаренных, неодаренных детей); организация педологического музея; редактирование педагогического бюллетеня. Самый представитель производит впечатление человека серьезного, дельного и идеалистически настроенного — в том смысле, что он верит в наше и свое образование, свою страну, депутатом которой он был несколько лет тому назад, хочет поставить на должную высоту. Какие есть у меня основания отказать в этом столь лестном для меня предложении? Я насчитываю лишь одно: боязнь нового, но таковой я не знаю, и если да, то лишь в слабой степени, недостаточной для того, чтобы она была помехой»²⁹.

Приехав в Бразилию выполнять «государственный заказ» на выявление интеллектуально одаренных детей, Елена Антипова трансформировала поставленные перед ней прямолинейные задачи селекции и отбора, включив их в гуманистическую парадигму идеи компенсаторного обучения. Личным примером, глубокой приверженностью этой парадигме и высокопрофессиональной работой она сумела убедить власть и общество, чиновников и коллег, родителей и благотворительные организации, представителей католической церкви в возможности и необходимости создания образовательных условий для развития всех членов общества, в том числе, а может быть, и прежде всего «отстающих» и «особенных».

Судьба аналогичного выбора в психолого-педагогической практике СССР в 30-е годы печально известна³⁰. Если бы Е.В. Антипова осталась верна своим научным интересам и идеям, то как минимум осталась бы без возможности заработка своим

ремеслом, как максимум – разделила бы участь коллег-педологов, профессионально уничтоженных и морально растоптанных известным постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. о запрете педологии. Именно такие задачи, как «обследование в виде бессмысленных и вредных анкет», «обследование умственного развития и одаренности школьников» и т.п., легшие в основу приговора педологии в СССР, Елена Владимировна активно осуществляла вдали от метрополии. За осуществление именно этих задач Бразилия в полной мере оценила подвижническую деятельность русского психолога.

Интересно, что ни российские, ни бразильские архивные документы пока не дают почти никаких сведений о связях Е.В. Антиповой с российской диаспорой в Бразилии. Более того, создается ощущение, что она скорее избегала подобных контактов, чем стремилась найти «своих»... Приведем лишь пару поверхностных, но говорящих фактов – имени Антиповой не найдено в архиве Русской православной церкви в Рио да Жанейро, куда стремился придти едва ли не каждый эмигрант из России, оказавшийся столь далеко от родины и веры; нет на ее могиле и православного креста. Сегодня известны имена буквально нескольких семей из России, с которыми Е.В. Антипова поддерживала контакты в Бразилии; есть и косвенные свидетельства ее связей с СССР – в библиотеке Антиповой имеются несколько книг и журналов на русском языке, кем-то привезенные из СССР в самом начале оттепельных 60-х годов.

Все же символично, что после кончины Елены Владимировны 9 августа 1974 г. в госпитале Св. Луки в г. Белу-Оризонте, в русской нью-йоркской газете «Новое русское слово» появился некролог, написанный другим «русским бразильцем», Валерием Салатко-Петрище, более известным как поэт Валерий Перелешин (1913—1992)³¹. Он сообщал, что даже свой уход из жизни Антипова наполнила созидательным смыслом, завещав похоронить себя рядом с «Немым» — «особенным» ребенком, который с ее помощью сумел стать взрослым активным человеком. Мы побывали в месте упокоения Елены Антиповой, принесли туда русскую землю, но не обнаружили могилы Немого³². Ну, что ж, привкус легенды никогда еще не вредил биографии выдающейся женщины, которую известный бразильский писатель Отто Лара Резенде назвал «апостолом женского рода, ниспосланным нам из российского поднебесья»³³.

При жизни Е.В. Антиповой Россия играла разные роли в ее судьбе, порой трагически противоположные: от высоко духовного домашнего и гимназического

воспитания, прививки русскости в виде философских, литературных, научных традиций, либеральных устоев, силы характера и духа, возможности свободного перемещения по миру в поисках профессиональной идентичности до лишения семьи (эмиграция матери и сестры, без вести пропавший на фронтах Первой мировой войны отец, затем Гражданская война, высылка мужа), ввержения в военно-революционный ад, в состояние выживания, нищеты, голода, болезней, лишений и невозможности самореализации. От полного забвения как русского талантливый психолога, педолога и педагога, яркого представителя петербургской психологической школы в далекой Бразилии до первой научной конференции на родине, посвященной ее наследию, в год 120-летия со дня рождения и первой книги о ней в год 40-летия со дня кончины – таковая полярная траектория и профессионального признания Елены Владимировны Антиповой в России.

Она покинула метрополию самостоятельно, приняв решение оторваться от материнской пуповины; одновременно не стала и частью диаспоры, в некотором смысле органа-трансплантата в чужеземном теле, но выбрала путь наиболее сложный для эмигранта – путь профессиональной и персональной интеграции, судьбу истинной бразильянки, питавшейся русскими корнями.

¹ Подробнее см.: Масоликова Н.Ю. «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Антиповой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2010. С. 363—384; Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Пилотный вып. 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 14—16; Масоликова Н.Ю. Елена Антипова (1892—1974) — русское имя в истории психологии и педагогики Бразилии // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V московские встречи», 30 июня — 03 июля 2009 / Ред.: Журавлев А.Л., Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 195—199; Она же, Новые страницы в истории российского психологического зарубежья «первой волны»: бразильский след // Материалы Юбилейной конференции «125 лет со дня основания Московского психологического общества»: в 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 153—155; Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. История российского научного зарубежья и психологическое сообщество // Методология и история психологии. 2011. Т. 6. Вып. 2. С. 92—109.

² Масоликова Н.Ю. Мир детства в исследованиях психологов российского зарубежья // Мир детства в русском зарубежье: III культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25—27 марта 2009). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 47—56.

³ Об этом см.: Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Международный научный colloquium «Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892-1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2012. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2013. С. 634—640. Материалы Colloquium изданы: Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892-1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России. Материалы международного научного

коллектива. Москва, 18-20 июня 2012 / Сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2014.

⁴ Назовем основные работы последних лет: Campos R.H.F. Helena Antipoff (1892—1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education // *History of Psychology*. 2001. Vol. 4, № 2. P. 133—158; *Dicionário Biográfico da Psicologia no Brasil*. Pioneiros. Rio de Janeiro, 2001. P. 53—58; Campos R.H.F. Helena Antipoff. Recife, 2010; Campos R.H.F. Helena Antipoff: psicóloga e educadora – uma biografia intelectual. Rio de Janeiro, 2012; Campos R.H.F. Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science // Pickren W., Dewsbury D., Wertheimer M. (Eds.) *Portraits of Pioneers in Developmental Psychology*. New York: Psychology Press, 2012. P. 51-66.

⁵ О них впервые см.: Масоликова Н.Ю. Русские годы психолога Елены Антиповой (1892-1974) // *Образование для всех и ученые-эмигранты*. С. 25-45.

⁶ Цит. по: http://www.sweden4rus.nu/lib/o_shvecii/text/irina_elenevskaja/vospominanija_chast_I.asp.

⁷ Афанасьева А. Воспоминания о прошлом // *Революционное юношество 1905-1917 гг.* Сб. 1. Л., 1924. С. 94.

⁸ Подробнее см.: Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Русская наследница Песталоцци: Елена Антипова (1892—1974) и ее женевицкие учителя // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына*. 2014 (в печати).

⁹ По одной из версий, в канун Пасхи, мать Мария пошла в газовую камеру вместо одной из отобранных администрацией лагеря женщин. В январе 2004 г. канонизирована Константинопольским патриархатом как преподобномученица.

¹⁰ В книге Л. Агеевой «Петербург меня победил». Документальное повествование о жизни Е. Ю. Кузьминой-Караваевой — матери Марии» имя Е.В. Антиповой ошибочно упоминается как «изящная профессорская дочь» (СПб.: Журнал Нева, 2003. С. 91), меж тем как ее отец был военным, последнее звание - генерал-лейтенант Русской императорской армии. Здесь, как и в ряде журнальных публикаций, связанных с судьбой Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, имя Антиповой постоянно присутствует, но никак не комментируется.

¹¹ Antipoff D. Helena Antipoff: Sua Vida, Sua Obra. Rio de Janeiro, 1975. P.

¹² См.: Жаравин В.С. Документы о В.А. Трейтере в фондах Центра документации новейшей истории Кировской области // *Петряевские чтения – 2001: тезисы докладов*. Киров, 2001. С. 163–166.

¹³ *Врачебно-санитарная хроника*. 1924. № 2/3.

¹⁴ Частично опубликованы: Масоликова Н.Ю. «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана». С. 372—384.

¹⁵ Название парохода, на котором был выслан В.Я. Ирецкий.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Там же. Л. 111-112 (8 апреля 1923 г.).

¹⁹ Там же. Л. 118 (27 апреля 1924 г.).

²⁰ Там же. Л. 5 (29 января 1923 г.).

²¹ См.: Edouard Claparède, Hélène Antipoff. *Correspondance (1914-1940)* / Ed. M. Ruchat. Florence, 2010.

²² РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 29 (27 июня 1927 г.).

²³ Там же. Л. 33 об. (25 ноября 1927 г.).

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 358. К. 200. Д. 14. Л. 1-1об.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Там же. К. 165. Д. 25. Л. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 24 об. (20 ноября 1926 г.).

²⁹ Там же. Л. 43-44 (31 декабря 1928 г.).

³⁰ См.: Родин А. М. Из истории запрета педологии в СССР // *Педагогика*. 1998. № 4. С. 94-95; Балашев Е.М. *Педология в России в первой трети XX века*. СПб.: Нестор-история, 2012.

³¹ К сожалению, в его личном архиве в ИМЛИ РАН нам не удалось обнаружить

³² Фотографии захоронения Е.В. Антиповой см. на сайте «Некрополь российского научного зарубежья»: http://www.russianguave.ru/?id=21&prs_id=75

³³ Цит. по: Масоликова Н.Ю. «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана». С. 364.